

Наталья Александрова

Кресло на чердаке

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Кресло на чердаке

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Кресло на чердаке / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ»,
2020 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-17-117062-2

Питерская домохозяйка Надежда Лебедева по просьбе бывшей коллеги, угодившей в больницу, согласилась пожить в ее загородном доме и присмотреть за собакой. Успокаивающие пейзажи, свежий воздух, тишина и благодать – что может быть лучше для городского жителя, уставшего от суеты и мечтающего окунуться в атмосферу спокойствия? Однако судьба в очередной раз приготовила госпоже Лебедевой опасное приключение. В обычном деревенском доме начинают происходить странные события: появляется и исчезает труп, обнаруживаются следы присутствия чужого человека. Но Надежда Николаевна уверена: никакой мистики здесь нет. А найденный секретный ход только подтвердил ее догадку. Будучи по природе любознательной и имея авантюрный характер, она с головой окунулась в разгадку тайны старого дома...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117062-2

© Александрова Н. Н., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Наталья Александрова

Кресло на чердаке

© Н. Александрова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

– Рози! – позвала Надежда Николаевна, поднявшись на крыльцо. – Хоть бы ты дверь научилась открывать! Какая-никакая, а польза...

Но это восклицание было чисто риторическим, ждать такого от Рози не приходилось, и Надежда Николаевна, придерживая сумку локтем, нашла в ней ключ,插入了他 в скважину и открыла дверь.

В прихожей – точнее, в сенях, как предпочитала называть это помещение Александра Павловна, – было темно, особенно после улицы. Надежда Николаевна на мгновение замешкалась.

– Рози! – повторила она громко.

Рози и не думала ее встречать. То ли дело Бейсик: он всегда встречает хозяев возле двери – по крайней мере, когда у него хорошее настроение и он на них не дует. И не прячется нарочно, чтобы хозяйка бегала по квартире, звала его в ужасе, искала по всем углам. Впрочем, Надежда Николаевна уже давно прекрасно изучила характер Бейсика и не впадала в панику, когда не видела кота в обозримом пространстве.

Надежда Николаевна толкнула плечом следующую дверь и оказалась в гостиной. Здесь было куда светлее, но Рози по-прежнему не соизволила появиться. Надежда Николаевна хотела уже высказать все, что о ней думает, но тут увидела такое...

Она увидела торчащие из-за комода ноги.

Это были определенно мужские ноги, в коричневых, не слишком чистых ботинках и коричневых же мятых брюках. Одна брючина задралась, и из-под нее торчал бежевый носок и бледная щиколотка в редких светлых волосках.

– Ой! – вскрикнула Надежда Николаевна, но вместо того чтобы выскочить из комнаты, как поступили бы на ее месте девять женщин из десяти, сделала еще один шаг вперед и заглянула за комод.

Там, за комодом, лежал мужчина – на вид лет пятидесяти, прилично одетый, во всяком случае для дачи, и было совершенно ясно, что он мертв.

Надежда Николаевна была женщиной волевой, решительной и далеко не робкой, но даже она в такой неожиданной ситуации не смогла сохранить самообладание. Выронила сумку с покупками и стремительно метнулась к двери, при этом зацепилась ногой за электрический шнур, отчего со стола с жутким грохотом свалилась громоздкая старинная лампа.

Но Надежда Николаевна не обратила на это внимания.

Она пролетела через сени, скатилась с крыльца, вылетела во двор и около самой калитки налетела на низкорослого тщедушного мужичонку лет шестидесяти. Тот вцепился в Надежду Николаевну и загнул неприятным простуженным голосом:

– А что это у вас случилось?

Сквозь застилавшую глаза розоватую пелену Надежда разглядела мужичонку и узнала соседа Ноздряева. Александра Павловна очень строго предупреждала Надежду, чтобы та близко не подпускала Ноздряева к ее дому. Сплетник и злопыхатель, каких мало, говорила она, и вообще очень противный. Насчет вороватости Александра Павловна не знала, но заметила, что в дом лучше не пускать. И в разговоры вступать не следовало. «Поздоровалась, да и про-

шла мимо. А то он пристанет как банный лист, потом не отвянешься. Да еще станет распускать по поселку сплетни...»

– Ничего... ничего у нас не случилось, – пропыхтела Надежда Николаевна, пытаясь отвязаться от соседа.

Но тот вцепился в нее, как клещ в собачий хвост. Надо же, и в калитку проскочил, хотя его не приглашали. А она тоже хороша – калитку не заперла. Потому что сумка тяжелая, одного сахарного песку четыре кило.

– А что это у вас грохотало? А кто это у вас кричал? – тянул Ноздряев своим гнусавым голосом и ненавязчиво подталкивал Надежду в сторону domu.

– Никто не кричал, – открестилась Надежда Николаевна. – Это по радио постановку передают, детективную.

– Это какая же такая интересная постановка? Это по какому же радио ее передают?

Надежда явно была не в лучшей форме. Она и сама не заметила, как Ноздряев втолкнул ее на крыльцо, потом в сени, и осознала себя уже в гостиной, на том самом месте, где несколько минут назад нашла труп. Надежда Николаевна предпочитала не смотреть на пол, мечтая, чтобы злополучный труп как-нибудь самоликвидировался, но в глубине души понимала, что это невозможно.

Она уже представила, как Ноздряев заверещит, увидев тот самый труп, и к каким последствиям это приведет, но сосед отчего-то сохранял спокойствие и только с нездоровым любопытством обшаривал комнату взглядом.

Надежда покосилась в сторону комода.

Никакого трупа там не было. Ни грязных коричневых ботинок, ни мятых брюк, в общем, ничего, кроме сумки, с которой Надежда ходила в магазин, и ее содержимого, рассыпанного по полу, – сахарного песка, крупы, печенья «Мария» и пакетов с деликатесным собачьим кормом, который она купила, чтобы порадовать Розы.

Еще на полу валялась антикварная лампа, которую Надежда своротила, выбегая на улицу. Стекланный плафон разбился, а бронзовому основанию ничего не сделалось.

– Видите теперь, что у нас не случилось ничего особенного? Ну, поскользнулась, за провод зацепилась, продукты рассыпала... – сквозь зубы процедила Надежда Николаевна и принялась ненавязчиво подталкивать Ноздряева к выходу.

Тот особенно не сопротивлялся, в глазах его сквозило явное разочарование. Наверняка он рассчитывал увидеть что-то более интересное, чем рассыпанную по полу крупу.

Надежда наконец вытолкала его из дома, а потом и с участка, заперла калитку на щеколду и только после того, как убедилась, что он пошел прочь, вернулась в комнату и внимательно осмотрела то место, где раньше лежал труп.

И что это значит? Неужели у нее начались галлюцинации? Хотя нет, таких подробных, реалистичных галлюцинаций не бывает! Надежда хорошо помнила задранный мятую штанину, торчащий из-под нее носок, грязь на ботинках...

Тут она вспомнила еще кое-что. Точнее кое-кого.

– Розы! – воскликнула Надежда Николаевна взволнованно.

Никто не отозвался.

– Розы! – повторила она упавшим голосом.

И снова никакого ответа.

Надежда схватилась за сердце. Пропавший труп – это, конечно, очень неприятно и наводит на размышления, но если пропала Розы... Александра Павловна никогда ей этого не простит. Да что там, Надежда сама себе этого никогда не простит!

Она еще раз пробежалась по комнате взглядом – впрочем, Надежда и так уже все тщательно осмотрела и ничего не могла пропустить, особенно небольшую собаку.

Тогда Надежда выглянула в сени и под лестницей, ведущей на чердак, заметила что-то большое, серое и бесформенное.

– Рози! – вскрикнула Надежда в испуге.

Серое пятно пошевелилось, и из-под лестницы, зевая и пошатываясь, выползла во всей своей красе огромная собака породы маламут. Розамунда, или сокращенно Рози.

– Рози, девочка моя, ты в порядке? – проворковала Надежда, обнимая собаку. – Ты цела?

Рози снова зевнула с гулкими подвываниями и встряхнулась, сбрасывая остатки сна, но у нее не получилось. Глаза были покрыты мутной поволокой.

С собакой явно что-то произошло. Обычно она встречала Надежду радостно – Рози вообще была дружелюбной и милой, но сейчас едва доползла до Надежды, снова зевнула, тут же опустилась на пол и задремала. Надежда потрогала ей нос – сухой, но не слишком. Вообще вид у Рози был здоровый, только сонный. «Ну, пускай поспит. Уморились, видно», – подумала Надежда Николаевна.

Поглаживая огромную серую голову, лежащую у нее на коленях, Надежда размышляла, каким образом она очутилась в чужом доме, с чужой собакой, а не в собственной квартире, с собственным котом, а главное – с собственным мужем. В общем, как она дошла до жизни такой.

Надежда Николаевна Лебедева, интеллигентная женщина средних (будем считать) лет, с высшим техническим образованием, три года назад ушла с работы. Вернее, не ушла, а попала под сокращение – причем сократили весь ее отдел, чтобы никому не было обидно. Собственно, неожиданностью это не стало, сотрудники были давно к такому готовы, но Надежда все равно испытывала некоторый дискомфорт и растерянность.

А вот муж, Сан Саныч, воспринял ее увольнение как подарок свыше. Он страшно обрадовался и сказал, что теперь осуществляться его мечты, – дома всегда будет ждать ласковая, хорошо отдохнувшая, прекрасно выглядящая жена и кот, не страдающий от одиночества. А как приятно приходить в чистую уютную квартиру, где вкусно пахнет домашней выпечкой, и проводить тихие семейные вечера вдвоем!

Муж так часто об этом говорил, что Надежда даже спросила: «Ты что, недоедал, что ли? Разве, пока я работала, кормила тебя одними пельменями и сосисками?» Никогда такого не было!

Сан Саныч опомнился и пошел на попятную. Мол, ему очень нравится, как Надежда ведет дом, и все, что она готовит, он ест с большим аппетитом, а сказал так потому, что беспокоится в первую очередь о ней. Ведь теперь у Надежды будет больше времени заниматься своим здоровьем и внешностью, она может записаться в бассейн и на разные там пилатесы... «Неужели я так плохо выгляжу, что ты вдруг забеспокоился о моем здоровье?» – поинтересовалась Надежда Николаевна, и муж, как человек осторожный, счел за лучшее свернуть разговор.

Надежда же, по здравом размышлении, решила, что Сан Саныч в чем-то прав. Сама она никогда не решилась бы оставить работу, но раз уж жизнь все расставила по своим местам, причем без ее вмешательства, то отчего бы не расслабиться?

Муж у Надежды был второй и любимый, они прожили вместе достаточно много лет, чтобы убедиться, что этот брак для обоих будет последним. Дети давно взрослые, внуки росли вдалеке от бабушки и дедушки, так что Надежда с мужем жили вдвоем и совместно воспитывали кота. Впрочем, кот считал, что это он их воспитывает, и кто из них был прав, еще неизвестно.

В первое время жизнь Надежды и правда заиграла яркими красками. Просыпалась она с радостным чувством, что случилось что-то хорошее, и только потом вспоминала, что именно: не нужно рано вставать и тащиться на работу в переполненном вагоне метро; не нужно нестись сломя голову после работы по магазинам, вспоминая, чего еще не хватает к ужину; не нужно лежа утром в выходной перебирать в голове накопившиеся дела, прикидывая, что сделать в

первую очередь, а что отложить на неделю; не нужно бессильно скрипеть зубами, слушая, как проснувшийся муж строит планы на выходные: «Пойдем в кино или просто погуляем? Вечером с друзьями встретимся, посидим где-нибудь?..»

Какое кино, какие друзья, какие прогулки? Дай бог хоть одну десятую накопившихся дел переделать! А парикмахерская? На голове не волосы, а стог сена после тропического циклона! Но разве мужчина такое поймет?

И вот все эти неприятности остались позади, и Надежда Николаевна зажила наконец как белая женщина.

Но продолжалось это недолго. Все друзья и знакомые, которых, надо сказать, было у Надежды великое множество, страшно обрадовались, что у нее появилось много свободного времени и тут же припахали Надежду к своим неотложным делам. Хорошее воспитание не позволяло послать всех подальше, поэтому Надежда Николаевна часами ожидала сантехника в чужой квартире, возила к ветеринару теряющего перья чужого попугая, встречала с поезда двоюродную тетю из Саратова и многое другое.

Бедный Сан Саныч! Он-то надеялся, что его жена отдохнет. Ага, как же! Через несколько месяцев такой жизни Надежда почувствовала, что так умоталась, как никогда до этого на работе. А там ведь еще хоть какие-то деньги платили.

Что касается домашней выпечки, то, увидев однажды цифру на напольных весах, Надежда пришла в ужас. Муж, несмотря на возраст, был строен и подтянут, мог есть все что угодно, а вот ей пирожки с капустой и плюшки с маком были явно противопоказаны.

В конце концов, она научилась говорить «нет» на просьбы знакомых, и все как-то установилось. К тому же у Надежды Николаевны была своя тайна. Но об этом позже.

Надежда пошевелилась, потому что сидеть на полу было неудобно, к тому же ужасно затекли ноги. Еще бы, такую тяжесть на коленях держать! Интересно, сколько весит Роза? Александру Павловну она спросить не успела, а Роза, как любая настоящая женщина, в ответ на такой интимный вопрос только сконфуженно опускала глаза.

Надежда осторожно положила огромную голову на пол и почесала Розу за ушами. Что это она все спит? Да так крепко. И нос горячий. Нет, с собакой явно что-то происходило. Да если на то пошло, с самой Надеждой тоже творилось что-то неладное. Неужели и правда у нее глюки и не было никакого мертвого мужчины?

«Не может такого быть!» – тут же опомнилась Надежда. Сегодня она не пила ничего, кроме воды и чая, не принимала никаких сильнодействующих лекарств, высокой температуры у нее не было, так с чего тогда такой бред?

Надежда еще раз потрогала собачий нос. Если с Розы что-то случится, как она посмотрит Александре Павловне в глаза? Та доверила ей самое дорогое, а она...

С Александрой Павловной Прохоровой они когда-то работали вместе. Много лет трудились в соседних отделах. Близко не дружили, потому что разница в возрасте была лет десять, а в молодости это существенно, тем не менее симпатизировали друг другу.

Александра Павловна ушла из НИИ раньше Надежды – перешла на преподавательскую работу. От родителей ей достался хороший загородный дом, куда она и перебралась, а квартиру сдавала. Замужем Александра Павловна никогда не была, жила одна, но не скучала. Звонили они друг другу редко – под Новый год, да с днем рождения поздравить. И хотя в этот раз Надежда вспомнила про день рождения бывшей коллеги только через три дня, все же решила ей позвонить.

– Лежу в больнице, вчера привезли, – огорошила ее Александра Павловна. – Машина в городе сбила. Перелом ноги!

Надежда не стала слушать подробности, а только спросила, что привезти из необходимого, и полетела в больницу.

Александра Павловна выглядела так себе, у нее не хватало сил даже бодриться. Нога болела, и на послезавтра была назначена операция, поскольку перелом оказался очень сложный, к тому же и возраст уже солидный. Надежда разложила в тумбочке все, что принесла, поговорила с врачом, напоила Александру Павловну чаем. Но та выглядела такой расстроенной, что Надежда забеспокоилась:

– Александра Павловна, я вас не узнаю. Вы всегда были боец, а тут капитулировали... Заживет перелом, все будет нормально. Не переживайте так уж!

– Ох, Надя, тут у меня проблема...

– Излагайте! Решим вашу проблему!

Проблему звали Розамунда. Собака породы маламут двухлетнего возраста. Розамунда была единственным дорогим для Александры Павловны существом. Она завела щенка, когда переехала за город, – в загородном доме без собаки никак, – и вот теперь щенок вырос в огромное пушистое обаятельное создание.

Все шло прекрасно, пока какой-то урод не справился с управлением на перекрестке и не сбил Александру Павловну. Врачи сказали, что ей еще повезло, что все могло быть гораздо хуже.

Услышав такое, Надежда забеспокоилась: как же собака второй день одна, негуляная и некормленная? Но выяснилось, что Александра Павловна головы не потеряла и прямо из больницы позвонила знакомому парню, который живет в том же поселке.

Димыч, так звали парня, Роза очень любил и согласился кормить и гулять с ней, но только один раз в день, так как учился в городе.

– А Роза очень чувствительная, сентиментальная и трепетная собака, она не сможет ночевать одна. То есть пару ночей смогла бы, но меня тут после операции дней пять продержат, не меньше. Вот о ком у меня душа болит, – вздохнула Александра Павловна. – Надя, я понимаю, что прошу невозможного, но Роза... она такая... просто как ребенок.

В голосе Александры Павловны послышались слезы. Надежда никогда в жизни не видала ее такой.

– Ты не могла бы... ты же сейчас не работаешь... я понимаю, у тебя муж...

Тут Надежде кивнуть бы – ну да, муж и еще кот, и вообще дел по горло, ни минуты свободного времени, со своими делами управиться бы... Но муж как раз отбыл в очередную длительную командировку куда-то за Урал, к тому же она так необдуманно пообещала Александре Павловне решить все ее проблемы, ну а самое главное – собаку было действительно жаль. Начнет выть с тоски, соседи будут недовольны. А люди ведь разные попадают.

– Соседи справа как раз в отпуск уехали к внукам, – Александра Павловна будто подслушала ее мысли, – а соседи слева только на лето приезжают. А посторонним-то людям ключи я не могу оставить.

– Ладно, – вздохнула Надежда, – но только на неделю. Вот кота пристрою и поеду к вам.

С котом вопрос решился быстро. Начало октября выдалось удивительно теплым, так что мать Надежды все еще жила на даче. С котом у них было полное взаимопонимание и даже симпатия, так что Надежда быстренько отвезла рыжего разбойника на дачу, сама же собрала кое-какие необходимые вещи и уехала. Дом у Александры Павловны находился не в какой-то дыре, а в большом поселке Мухино, куда по расписанию ходили электрички.

Выйдя на нужной остановке, Надежда огляделась по сторонам. Димыч должен был ее встретить, проводить до дома и отдать ключи, но на станции никого не было, чему Надежда в общем-то не удивилась – что с этих молодых взять? Никакой ответственности.

Она дошла до небольшой площади и остановилась. Так, вон небольшой магазин, как и говорила Александра Павловна, рядом кафе, еще один магазинчик, пекарня, аптека... В общем, все есть, полная цивилизация.

Внезапно ее едва не сбил с ног некий субъект на электрическом самокате. Надежда в последний момент увернулась и готова была нелицеприятно выразиться, однако слова застряли в горле.

Перед ней пронеслась весьма колоритная личность: неопределенного пола, с дредами, закрученными в сложную прическу; на носу чудом держались темные очки, на шее висела какая-то плетеная штука, такая же была в виде браслета на руке. Надежда вспомнила, что такие штуки молодежь называет «фенечки». Одета личность была в художественно разодранные на коленях джинсы и джинсовую жилетку, тоже всю увешанную фенечками. На ногах – стоптанные кеды.

Личность бросила свое модное средство передвижения и заскочила на станцию, а через минуту выбежала оттуда с самым растерянным видом. Затем вытащила мобильник и потыкала в экран. Тотчас у Надежды в сумке зазвучала мелодия из «Лебединого озера».

– Здравсьте! – обрадовалась личность, устремившись к ней. – Здравсьте, Надежда Петровна!

– Вообще-то я Николаевна, – улыбнулась Надежда. – А ты, значит, Димыч?

– Точно, – просиял парень. Теперь уж Надежда смогла его идентифицировать. – Давайте сумку!

Он ловко пристроил не слишком набитую дорожную сумку впереди себя на самокате, велел Надежде идти по дороге прямо до развилки и отбыл, подняв столб опавших листьев. Золотая осень...

Надежда, не торопясь, пошла в указанном направлении, с интересом поглядывая по сторонам. Дома вокруг стояли солидные, бревенчатые, за высокими заборами. Виднелись ухоженные сады, в основном яблоневые; высокие деревья были усыпаны поздними яблоками. «А некоторые так и останутся несорванными, уж больно высоко за ними лезть. Но красиво!» – подумала Надежда.

Иногда попадались современные каменные коттеджи, у этих заборы были и вовсе высокие, третий этаж дома едва виднелся. И обязательно висела камера и на воротах была прибита табличка с надписью про злую собаку.

Димыч ждал Надежду возле развилки. Оттуда до места назначения оказалось близко.

– Ну вот, – сказал парень, открывая калитку, – проходите, Надежда Сергеевна, не стесняйтесь.

– Я вообще-то Николаевна, – поправила Надежда и застыла, забыв прикрыть калитку.

Дом был хорош. Старый, но добротный, из плотно пригнанных огромных бревен. К дому была пристроена летняя веранда; окна, как и полагается, с мелкими разноцветными стеклышками – синими, зелеными, оранжевыми. Надежда невольно представила, как здорово, должно быть, находиться на веранде, когда туда заглядывает солнце. Стол большой, чтобы много народу поместилось, на столе самовар, варенье вишневое, пироги...

Она привычно одернула себя: какие еще пироги? Про них даже думать вредно, столько в них калорий! И вообще, она сюда приехала не чай с вареньем и пирогами распивать, а за собакой присматривать. Только где та собака?

Никто не лаял и не бежал навстречу, и будки во дворе не было.

От калитки к дому вела дорожка, вымощенная розовой плиткой, а вдоль дорожки росли бордовые георгины. Конечно, сейчас почти все цветы засохли, но кое-что уцелело. И Надежда представила, какое же это феерическое зрелище, когда шапки георгинов смотрят на дорожку. Ай да Александра Павловна, какую красоту сотворила!

Димыч скрылся где-то за домом.

– Надежда Андреевна, идите сюда! – послышался его голос.

Надежда поспешила на зов, буркнув, что она все же Николаевна, и увидела только заднюю его часть. Димыч стоял на четвереньках и шарил рукой где-то под домом.

– Ты что там делаешь? – удивилась Надежда Николаевна.

Оказалось, что Александра Павловна прятала под домом запасные ключи. Надежда удивленно подняла брови, не ожидая от бывшей коллеги такого вопиющего легкомыслия, но Димыч пояснил, что под домом тайник, который очень сложно обнаружить. Даже если знаешь, где искать, и то приходится долго возиться.

Наконец он вытащил связку ключей, которые были все в земле. В ответ на выразительный взгляд Надежды, Димыч признался, что, когда уходит ненадолго, просто оставляет ключи под камушком. Надежда только головой покачала, решив, что это не ее дело.

Дверь была новая, железная, с двумя замками. Александра Павловна всегда была женщиной осторожной, вот только с ключами как-то несерьезно вышло... ну, человеческий фактор.

– Рози, девочка моя! – воззвал Димыч. – Познакомься с Надеждой Алексеевной!

Надежда хотела сказать, что она Николаевна, но прикусила язык, так как в сенях появилась огромная, для ребенка-великана, мягкая игрушка. Серая с белым, чрезвычайно пушистая.

Надежда знала, что собой представляет маламут, но эта была явно больше размером, чем она могла вообразить. В сенях сразу стало тесно.

– Ой, – сказала Надежда Николаевна. – Какая ты огромная!

Собаченция подняла голову и разразилась пространными, выразительными подвываниями.

– Это она так разговаривает, – пояснил Димыч.

Рози подошла к Надежде вплотную и толкнула ее огромным боком, отчего Надежда Николаевна едва не села на пол. Собака смотрела на нее и улыбалась.

– Она всех любит, – сообщил Димыч. – Всех без исключения. Ласковая очень.

– Да я уж вижу... – Надежда почесала Розу за ушами, отчего та блаженно зажмурилась. Надежда поняла, что они поладят.

– Ладно, Надежда Евгеньевна, – заторопился Димыч, – мне пора, вы уж тут сами все найдете, Роза покажет...

– Я вообще-то Николаевна, – привычно сказала Надежда, но парня уже и след простыл.

Надежда заложила щеколду на калитке и увидела, что ее можно закрыть и на замок. Ключа было три – два от входной двери и один от калитки. Так, стало быть, Димыч поленился и калитку не запер. Ну, пускай Александра Павловна сама с ним разбирается.

– Ну, Роза, – сказала Надежда, – показывай, где что.

Собака послушно затрусила вперед. За домом был сад – большой, старый, тенистый. На некоторых деревьях остались поздние яблоки, которые Александра Павловна не успела убрать. Еще висели сливы – переспелые, пурпурные, осыпающиеся. Надежда попробовала одну – кисловатая, хоть и мягкая уже. Грядки все были вскопаны и подготовлены к зиме.

Пошли в дом. Сени Надежда уже видела, теперь вошла в большую комнату, которую Александра Павловна именовала горницей.

Прежде всего в глаза бросалась печь – большая, высокая. Надежда знала, что такая печь называется голландкой. Мебель в комнате была вовсе не деревенской. Добротная, старая, но красивая, хорошо сохранившаяся. Наверное, все же не антиквариат, размышляла Надежда.

Она подошла к посудному шкафу. Одна его дверца была украшена фигурным стеклом в свинцовом переплете, в другую было вставлено стекло обычное. Видно, то, прежнее, разбилось.

Надежда Николаевна открыла шкаф. На полке прямо перед глазами стояла большая квадратная бутылка с довольно широким горлышком и с гербом на одной из сторон. В памяти всплыло слово «штоф». Было видно, что вещь старая, если не сказать старинная. Рядом со штофом расположилось несколько разномастных рюмок, красивый бокал с треснутой ножкой и графин с петухом внутри. Надежда знала про такие графины: если в него налить воды, а

лучше водки, то петух станет большим, заполнит все пространство и получится как живой, только что крыльями не захлопает.

Этот графин был пустой, и петух вел себя прилично.

На верхней полке стоймя было расставлено несколько тарелок, очевидно для красоты. И то правда, тарелки радовали глаз – затейливый яркий узор, ничуть не потускневший от времени, и надпись по кругу витиеватыми буквами, похожими на немецкий готический шрифт.

Впрочем, по-немецки Надежда Николаевна знала только «Хенде хох!» и «Доннер веттер», так что прочитать надпись не могла. Да и боязно было к тарелкам прикасаться, наверняка старинные...

А вообще, неприлично по чужим шкафам шарить, ее не для того сюда пригласили.

Надежда осторожно прикрыла дверцы и огляделась. Неподалеку от окна стоял письменный стол – тоже старый, но добротный, со столешницей из темно-зеленой, кое-где потрескавшейся кожи. На столе – вполне себе современный компьютер. Ага, стало быть, Александра Павловна не чужда прогрессу, небось и Интернет в доме провела.

На столе лежали какие-то папки и тетради, сбоку стояла лампа – бронзовое основание в виде кудрявого пухленького амурчика, держащего в руках лук с бронзовыми же стрелами, сверху абажур из розового стекла. Вот уж точно старинная. Надежда не удержалась и дернула за шнурок. Лампа не работала. Что ж, так тоже красиво.

Также в комнате стояли диван с деревянной спинкой и тумба с телевизором. Одну стену полностью занимали полки с книгами.

– Ну, – сказала Надежда Николаевна собаке, – вижу, что вы с хозяйкой хорошо тут устроились.

Рози грустно моргнула, и Надежде даже показалось, что собака прослезилась.

– Ты не переживай, – она погладила собаченцию по морде, – Александра Павловна точно скоро вернется. Я недельку с тобой побуду. Надеюсь, не поссоримся.

Рози вздохнула и опустила голову.

«Все понимает», – уверилась Надежда.

Из горницы выходили две двери. За первой находилась спальня хозяйки, обставленная весьма скромно, – большая кровать с медными шишечками на спинках, покрытая узорчатым покрывалом, и платяной шкаф – обычный, из ИКЕА. Зато на окне красовались связанные вручную, накрахмаленные занавески, и не просто занавески, а целая картина – озеро, берег в камышах, лодочка, рыбак дремлет над удочкой, а из камышей выглядывает любопытная русалка. Надежда загляделась на такую красоту.

Надо же, какой непростой дом у Александры Павловны. Он достался ей от отца, а отцу – от его отца. А дед, Александра Павловна как-то рассказывала, был столяром-краснодеревщиком. Раньше-то он работал водителем, но на войне получил ранение в ногу, вот и пришлось переквалифицироваться в столяры. Руки у деда были золотые, все в доме сделал сам.

А бабка, видно, рукодельницей была, она занавески и связала. Не боялись раньше люди руки приложить, время свое потратить. Наверное, оттого, что телевизоров не было.

Вторая комната – судя по всему, гостевая – оказалась совсем маленькой. Тут стояли обычная кровать, тумбочка и комод, тоже из ИКЕА. Комната выглядела довольно обжитой. Стало быть, у Александры Павловны кто-то частенько гостил.

Надежда нашла в комодке постельное белье, разобрала свою сумку и отправилась на кухню, куда ее призвала Рози, которая тут же села у своей миски.

– Тебе надо питаться два раза в день. – Надежда решила проявить строгость, но собака смотрела так умильно, что рука сама насыпала ей корма.

На кухонном столе лежал лист бумаги с подробным рецептом сливового повидла. Почерк был не Александры Павловны. Значит, соседка дала. За чаем Надежда внимательно прочитала рецепт и решила сварить повидло. Все равно делать было нечего. Но это завтра.

Спала она неважно, как всегда на новом месте, да еще Розы всю ночь ходила по комнате и рвалась к Надежде, царапаясь под дверью и жалобно вздыхая.

– Ни за что не поверю, что ты спала в кровати, – строго сказала Надежда, распахнув дверь. – Конечно, Александра Павловна тебя в строгости не держит, но в кровать такую махину точно не пускает.

Розы, как настоящая женщина, обиделась на «махину» и начала подвывать. В конце концов, обе пошли на компромисс: Надежда перетащила собачий матрас поближе к своей двери, а Розы согласилась помолчать до утра.

Рано утром Надежда выпустила собаку в сад. Погода стояла прекрасная, взошло солнце и осветило желтые листья на деревьях, отчего стало еще ярче. Перед завтраком Надежда собрала сливы. Надо же, вроде и деревце-то небольшое, а слив набралось чуть не ведро.

Она покормила собаку, сама напилась чаю с бубликом и долго сидела на крыльце, очищая сливы от косточек. После этого полагалось их варить без сахара, затем протереть прямо горячие через сито и потом снова варить, уже с сахаром, причем непрерывно помешивая, не то повидло пригорит. Сахара у Александры Павловны в нужном количестве не оказалось и, хотя Надежда на эти сливы уже смотреть не могла, она решила сходить в магазин – не пропадать же ее трудам. Собаку она заперла в доме, хоть Димыч и уверял, что Розы можно оставить во дворе, она никуда не денется.

В магазине была очередь, потому что продавщица с каждым покупателем подолгу разговаривала. Надежда взяла четыре килограмма сахара, прихватила еще свежего хлеба и деликатесного корма для Розы и, еле живая от усталости, притащилась домой.

И что же она там нашла?

Сначала ей пригрезился труп. Потом, когда она, как полная дура, выбежала с воплями на улицу, привязался сосед и проник в дом, хотя Александра Павловна строго-настрого наказывала гнать его в три шеи. Хорошо, что труп исчез.

Впрочем, никакого трупа, скорей всего, и не было, а у Надежды начались галлюцинации. Может, это от свежего деревенского воздуха? Да нет, от воздуха спят крепко, а она полночи проворочалась. Может, у Александры Павловны сливы какие-то особенные? Сколько Надежда их съела? Ой, много... Хотя когда съешь много слив, это не на голову влияет, а на другое...

Неужели, это у нее возрастное? От этой мысли Надежде стало нехорошо. «Да ладно! Какие мои годы? Всего-то...» – успокаивала она себя, но точную цифру не назвала даже в мыслях.

Что ж, нечего сидеть на полу и жалеть себя, нужно что-то делать. Да хоть повидлом заняться, провались оно пропадом!

– Розы, вставай! Все самое интересное проспай! – Надежда потрепала Розы за уши.

Та снова проснулась, снова громко зевнула, издав при этом настоящие оперные рулады, и с виноватым видом поднялась.

Надежда решила прибраться в комнате – уронив сумку при виде загадочного трупа, она рассыпала все ее содержимое, и теперь пол покрывал густой слой сахарного песка, перемешанного с крупой.

«Настоящая пустыня Сахара», – подумала Надежда и тут же заметила игру слов: «СахАра из сАхара».

Для начала она отобрала пакеты собачьего корма. Им, к счастью, ничего не сделалось, но очищая их от крупы и сахарного песка, Надежда чувствовала себя археологом, извлекающим глиняные таблички с клинописью из-под тысячелетнего слоя песка и пыли. Она отряхнула уже четыре пакета и принялась за пятый, как вдруг осознала, что перед ней не пакет с кормом, а нечто совсем другое.

Очистив свою находку от бакалейного сора, она поняла, что держит в руках маленькую записную книжку.

Книжка была крошечная, размером с два спичечных коробка, в черной обложке. Надежда осторожно открыла ее и увидела, что все страницы обозначены буквами алфавита и плотно исписаны мелким, бисерным почерком. Точно не Александры Павловны – у той все буквы были крупные, квадратные, Надежда знала ее почерк. И совершенно точно, что эти записи делал не Димыч, – невозможно было представить, что этот балбес, с его татуировками, пирсингом и дредами пишет такими аккуратными мелкими буквами. Да молодежь теперь вообще от руки не пишет, только эсэмэсками обменивается.

Но если книжка не Александры Павловны и не Димыча – тогда чья? И вчера, когда Надежда подметала в комнате, на полу точно не было никакой книжечки, она бы заметила...

И тут Надежда Николаевна вспомнила труп неизвестного мужчины. Может быть, это его книжка? Разумеется, если этот самый труп все-таки был...

Надежда еще раз перелистала книжечку. Аккуратные мелкие буквы ровными рядами заполняли страницы, но, что странно, все записи были совершенно непонятны. Вроде бы обычная кириллица, но Надежда не нашла ни одного знакомого слова. Только бессвязные сочетания букв.

Какой человек в здравом уме и твердой памяти станет заполнять целую книжку аккуратными, ровными, но совершенно бессмысленными записями?

В этот момент Надежда почувствовала знакомое покалывание в корнях волос. Такое покалывание она ощущала всегда, когда жизнь подбрасывала ей какую-нибудь загадку, над которой можно было поломать голову, заставляя работать пресловутые серые клеточки.

В общем, Надежда Николаевна поняла, что записи в книжке зашифрованы, а там, где шифр, несомненно, скрывается какая-то тайна.

Надежда Николаевна Лебедева имела не совсем обычное хобби: она обожала расследовать всевозможные криминальные дела. И надо сказать, судьба ей в этом благоволила. С ее друзьями и знакомыми, со знакомыми друзей и друзьями знакомых все время что-то происходило, и Надежда помогала всем, даже когда ее об этом не просили, как ехидно замечал Сан Саныч.

Однажды Надежда сделала глупость – честно и подробно рассказала мужу все, что с ней случилось. Сан Саныч, обычно спокойный и уравновешенный, очень испугался за Надежду и впал в ярость. Он кричал, что нельзя безнаказанно дергать судьбу за усы, что сколько веревочке ни виться, а конец близко, и еще много всего.

Надежда дала честное слово, что «больше никогда-никогда...», но слово не сдержала, а расследования держала от мужа в секрете. И всех знакомых предупредила, что если кто-нибудь проболтается, то она, Надежда, разорвет с ними все отношения. Тем не менее слухи продолжали распространяться и ее необычное хобби уже давно стало секретом Полишинеля, только муж до сих пор оставался в неведении. По крайней мере, Надежда очень на это надеялась.

И вот теперь зуд в корнях волос говорил о том, что жизнь подбрасывает ей очередную криминальную загадку.

Надежда, забыв об уборке, уселась за стол и положила перед собой таинственную книжечку, чистый лист бумаги и шариковую ручку.

Работая инженером в научно-исследовательском институте, она чем только не занималась! Среди прочего сталкивалась и с математическими алгоритмами шифрации и дешифрации. То есть шифры для Надежды Николаевны не были незнакомой материей.

Для начала следовало определить, к какому типу относится использованный в книжке шифр. Страницы в основном были заполнены буквами, а не цифрами. Значит, перед ней не алфавитный шифр, где одна буква заменяется другой по какому-то алгоритму. Тем не менее, чтобы расшифровать такой текст, нужен ключ или хотя бы небольшой фрагмент текста, с которого можно начать.

Ну что ж...

Страницы книжки были обозначены буквами русского алфавита, то есть записи в ней располагались в алфавитном порядке – уже что-то.

Для начала Надежда вполне логично предположила, что в книжке должен быть записан адрес Александры Павловны. Ну да, если книжка принадлежала тому типу, который, бездыханный, валялся возле комода, вполне возможно, что он записал адрес. Явно пришел в первый раз, не могло быть у Александры Павловны таких знакомых.

Фамилия Александры Павловны – Прохорова. Следовательно, начинать нужно с буквы «П».

Надежда нашла соответствующую страницу и уставилась на первую запись. РПСК-СПСЭЯ.

Какая-то дурацкая аббревиатура? Ремонтно-производственная строительно-конструкторская система... Румынско-пакистанская следственная комиссия... Тьфу, чушь какая-то!

Наверняка в этом слове каждая буква заменена какой-то другой. Но вот какой?

Для начала Надежда посчитала, сколько букв в загадочном слове. Девять – точно столько же, сколько в фамилии Александры Павловны. А ведь Надежда исходила из того, что на этой странице записаны ее координаты.

Далее: в фамилии «Прохорова» буква «О» повторяется трижды, буква «Р» – два раза. А в зашифрованном слове трижды повторяется буква «С» и дважды – буква «П». Так что логично предположить, что буква «С» заменяет букву «О», а буква «П» – букву «Р».

Надежда заменила буквы и получила новое слово: РРОКОРОЭЯ. Ну что ж, в фамилии Александры Павловны буквы «О» и «Р» встали на свои места.

Последней в зашифрованном слове стояла буква «Я», последняя буква алфавита, а в фамилии «Прохорова» на последнем месте стоит «А» – первая буква алфавита. Логично предположить, что в зашифрованном слове буква «А» заменена на «Я». Но тогда, возможно, предпоследняя буква алфавита «Ю» заменяет вторую букву алфавита «Б», буква «Э» – «В» и так далее.

Чтобы проверить свои рассуждения, Надежда заменила «Я» на «А» и «Э» на «В». Получилось слово РРОКОРОВА, очень похожее на фамилию Александры Павловны. Оставалось заменить всего две буквы.

Надежда поняла, что имеет дело с так называемым зеркальным шифром. Очень, кстати, простым. Чтобы зашифровать или расшифровать текст при помощи такого шифра, достаточно записать алфавит дважды: сначала в обычном порядке, а потом, под первой записью, – в обратном, после чего заменять букву из верхнего ряда соответствующей буквой из нижнего: «А» на «Я», «Б» на «Ю», «В» на «Э» и так далее.

Такую же операцию нужно проделать и с цифрами от нуля до девяти: ноль заменяется на девятку, единица – на восьмерку, двойка – на семерку, тройка – на шестерку.

Надежда написала на листе бумаги русский алфавит – в прямом и обратном порядке, дважды записала десять цифр и приступила к расшифровке. Она сразу же убедилась в своей правоте: первая запись превратилась в понятную строчку.

Прохорова А. П., Лесная улица, дом шестнадцать.

Совершенно верно – именно по этому адресу находится дом, где в данное время обитали Надежда с Розамундой.

Отлично, теперь у нее есть ключ к шифру. Кроме того, ей стало доподлинно известно, что найденная записная книжка принадлежит не Александре Павловне и не Димычу. Им-то зачем записывать этот адрес? Они его и так прекрасно знают.

Но тогда... тогда получается, что записная книжка принадлежит тому человеку, чей труп Надежда видела на полу комнаты. Значит, Надежда его действительно видела, ей ничего не померещилось. Значит, этот человек искал именно этот дом, и нашел его, и проник внутрь, но здесь что-то пошло не так, и он скоропостижно умер или погиб...

Нет, тут же поправила себя Надежда, если бы он умер или погиб в результате несчастного случая, он бы так и лежал на прежнем месте. Трупы, как известно, не умеют бегать.

Был еще один вариант: таинственный незнакомец не умер, а только потерял сознание, а потом пришел в себя и сбежал в неизвестном направлении. Но в этот вариант Надежда не верила – когда она увидела лежащего на полу мужчину, то сразу поняла, что тот мертв. И тем не менее он исчез. А значит, этого неизвестного кто-то сперва убил, а потом спрятал тело...

Ей показалось, что в доме стало значительно холоднее. Надежда вздрогнула, осознав, что, когда она вернулась из магазина, убийца мог находиться где-то рядом, а может быть, и сейчас находится?..

Она взглянула на Розу. Обычная собака непременно почувствовала бы присутствие в доме чужого человека, насторожилась бы, дала понять, что что-то не так. Залаяла бы, наконец. Но Роза не была обычной собакой. Она любила всех людей без разбора и шла к любому незнакомому человеку с добродушным и приветливым видом. Лаять же она вообще не умела – только выразительно подвывала, а в самом крайнем случае низко, мощно рычала. Правда, на посторонних людей это действовало отрезвляюще.

– Да, сторож из тебя никакой... – проговорила Надежда.

Роза почувствовала в ее голосе осуждение, потупила взгляд и тихонько взвыла. Должно быть, таким образом она хотела сказать, что маламуты не сторожевые собаки, а ездовые. «Вот если вы запряжете меня в нарты и выпустите на бескрайние северные просторы, тогда я покажу, на что способна!»

– Ой, что-то я сомневаюсь, – тихо сказала Надежда.

«Дайте мне нарты! – взвыла Роза. – Дайте мне тундру! И тогда сами увидите!»

– Да ладно, ладно, – Надежда привычно потрепала собаку за уши и решила осмотреть дом.

Вдруг злоумышленник и правда все еще где-то здесь прячется? На этот случай она вооружилась первым, что попало ей под руку, – чугунной кочергой, старинной, как многие другие предметы в этом доме.

Взяв кочергу в правую руку, левой Надежда ухватила за ошейник Розы – все-таки какая-то поддержка, хотя бы и моральная, – и отправилась на обход.

Она решила начать с заднего входа в дом. Чтобы к нему попасть, нужно было пройти через веранду. От разноцветных стекол по всей веранде разбежались яркие цветные блики, напомнившие Надежде детство. Однажды летом она жила на даче у двоюродной бабушки под Лугой, и там была такая же веранда с красивыми цветными стеклами. Очень интересно было выглядывать из таких окон в сад и наблюдать, как меняется мир.

Задней дверью почти никогда не пользовались, и она всегда была закрыта на огромный железный крюк. Но не сейчас. Сейчас крюк был откинут, а дверь просто прикрыта. Все ясно: кто бы ни проник в дом, ушел он именно этим путем. А вот попасть в дом через заднюю дверь никто не мог. Надежда отлично помнила, что крюк был закинут. Так что снаружи эту дверь никакими силами не откроешь, если только дом взорвать. Небось, еще покойный дед крюк поставил. Ох, серьезный был человек, судя по всему, обстоятельный. Александра Павловна эти качества точно от него унаследовала.

У Надежды мелькнула мысль позвонить бывшей коллеге, узнать, как она там, когда операция и вообще, но по здравом размышлении она передумала. Надежда пребывала в растрепанных чувствах, и проницательная Александра Павловна сразу бы поняла, что в доме что-то произошло. Роза опять же... Что, если Александра Павловна понимает ее язык подвываний? Во всяком случае, Сан Саныч утверждал, что понимает речь Бейсика. Ну, тут он, конечно, преувеличил, иначе давно бы узнал от наглого котяры, чем занимается Надежда во время его многочисленных командировок.

Вспомнив про мужа, Надежда Николаевна вздохнула. Снова она влипла в какую-то историю, поскольку по всему выходит, что труп в доме все же был. И попробуй докажи Сан Санычу, что она тут ни при чем. Нет, лучше помалкивать...

При виде незапертой двери шерсть на загривке Розы поднялась дыбом, и собака зарычала. Звук был впечатляющий – казалось, что кто-то заводит мощный гоночный мотоцикл.

– Раньше рычать надо было! – строго проговорила Надежда. – Проспала все на свете, а теперь рычит.

Розы смущенно потупилась. Надежда Николаевна открыла дверь и выглянула наружу.

Дверь выходила на задний двор, и после недавнего дождя перед ней образовался слой подсохшей грязи, нечто вроде контрольно-следовой полосы, какие бывают на границе и служат для обнаружения нарушителей. Сейчас по этой полосе тянулся отчетливый широкий след – как будто недавно тащили что-то большое и тяжелое.

Например, труп.

Надежда снова вздрогнула, как от холодного ветра, но взяла себя в руки и, отбросив страхи и волнения, задумалась.

Инженерная работа приучила ее дисциплинировать ум, правильно ставить вопросы и находить такие ответы, которые давали бы правдоподобную версию событий.

Поскольку она не верила, что стала жертвой галлюцинации, приходилось принять единственно разумную версию – в ее отсутствие в дом Александры Павловны проник неизвестный, который нашел здесь свою смерть. Осмотреть труп Надежда не успела, так что причина смерти была ей неизвестна. Да если бы и успела – она не судебно-медицинский эксперт и не смогла бы узнать, была эта смерть естественной или насильственной.

Однако, какова бы ни была причина смерти, кто-то вытащил труп из дома через заднюю дверь. Значит, пока ее не было, в дом проник не один неизвестный, а как минимум двое: тот, кто умер, и тот, кто избавился от трупа.

Так, с этим все ясно. Вернее, ничего не ясно, но появилась хоть какая-то определенность.

Но вот как неизвестные проникли в дом? И почему выбрали такой сложный способ убийства? Дом чужой. Труп пришлось выносить. А если кто увидит? Опять же собака... Ладно, вернемся пока к первому вопросу.

По словам Александры Павловны, а не верить ей у Надежды не было никаких причин, существовало два комплекта ключей. Один – собственно, хозяйский, который находился в больнице, и второй – который был спрятан в тайнике и который Димыч отдал Надежде.

Надежда Николаевна прекрасно помнила, что, уходя, заперла дверь ключом, и этот ключ все время был при ней. Заперла на один замок, самый прочный. Не могла Надежда оставить дверь открытой, не такой она человек. Хозяйский комплект находился в больнице под достаточно надежной охраной, Александра Павловна сдала все вещи под расписку.

Но тогда... Шерлок Холмс говорил: «Отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни оказался». Так что же остается?

Прежде чем отдать связку ключей Надежде, этот охламон Димыч прятал ее под домом, и там кто угодно мог найти ключи и сделать с них копии. Вернее, не кто угодно, а тот, кто знал, где искать. Вряд ли Димыч говорил посторонним о тайнике, но ведь могли и подсмотреть...

Надежда обошла дом, остановилась в том месте, где Димыч прятал связку ключей, и огляделась по сторонам. Эта часть дома со всех сторон была окружена кустами и деревьями. Кроме того, от посторонних глаз ее закрывал забор. Так что соседи не могли видеть, куда Димыч прячет ключи. Да соседей сейчас и не было.

Внимательно рассмотрев окрестности, Надежда заметила в просвете между ветвями большого ясеня открытое окно в одном из домов. Причем этот дом находился от дома Александры Павловны довольно далеко и, судя по всему, был нежилой. Но если Надежда видит это окно, стоя возле тайника, значит, и из него могли увидеть, куда Димыч прячет ключи.

Вот как! Очень интересно...

Надежда Николаевна почувствовала настоящую необходимость прогуляться по поселку. Она заперла двери дома на оба замка, взяла Розы на поводок и вышла за калитку. Розы очень удивилась – прежде ее почти никогда не пристегивали на поводок. Но прогулка есть прогулка, она радуется любой собаке, и уговаривать ее не пришлось.

– Розы, води себя прилично, – долго воспитывала ее Надежда, – помни, что ты собака интеллигентной хозяйки. Стало быть, никаких кошек, велосипедистов и собак мужского пола. Ты такая здоровая, у меня не хватит сил тебя удержать. Тебе надо бы кушать поменьше.

«У самой вес лишний!» – обиженно рыкнула Розы.

– Ох, верно, – вздохнула Надежда, и Розы тут же попросила прощения, лизнув ее руку.

Они прошли по улице и приблизились к тому самому дому.

Дом был довольно старый, одноэтажный, но с чердаком и венчавшей крышу квадратной башенкой, в которой и находилось окно, вызвавшее подозрение у Надежды. Впрочем, дом Александры Павловны, должно быть, был еще старше, но за ним следили – вовремя проветривали и протапливали, чинили то, что сломалось или прохудилось. Этот же был определенно нежилой. На нем виднелись разрушительные следы времени. Вагонка на стенах выцвела от дождей и солнца и утратила свой первоначальный цвет, крыша явно протекала, в окнах практически отсутствовали стекла, да и сами рамы перекосились, в заборе из штакетника зияли дыры, а участок зарос крапивой и бурьяном.

Надежда воровато огляделась. На улице не было ни души, из окон соседних домов никто не выглядывал, и она решилась. Найдя самую широкую дыру в заборе, Надежда Николаевна решительно пролезла в нее и потянула за собой Розы. Собака немного поупрямилась и даже негромко зарычала – видимо, не одобряла проникновение на чужой участок, но ссориться с Надеждой не захотела и нехотя последовала за ней.

Лиха беда начало!

Пройдя через густо заросший сорняками палисадник, Надежда поднялась на скрипучее крыльцо и, чтобы соблюсти хотя бы видимость приличий, постучала в дверь.

– Есть кто-нибудь?

Она прекрасно знала, что ей никто не ответит, но на всякий случай выждала полминуты. Что бы она стала делать, если бы кто-то отозвался, Надежда не знала. Может быть, попросила бы соли или спросила, как пройти в библиотеку. К счастью, ничего не произошло, и она решительно толкнула дверь, которая оказалась не заперта.

Дверь с ревматическим скрипом открылась, и Надежда шагнула в темноту. Впрочем, очень скоро ее глаза привыкли к полутьме и она разглядела помещение. Надежда оказалась в сенях – настоящих деревенских сенях, а не в приличной прихожей, как в доме Александры Павловны.

Розы вошла вслед за Надеждой и снова настороженно заворчала, шерсть на загривке поднялась.

– Розы, девочка моя, что с тобой? – проговорила Надежда негромко и даже собственный голос показался ей фальшивым и подозрительным. Впрочем, она тут же взяла себя в руки.

Надежда пришла в этот дом, чтобы найти окно, из которого можно видеть тайник, – и она это сделает. К счастью, лестница, ведущая в башенку, была тут же, в сенях.

Надежда осторожно попробовала ногой первую ступеньку. Она скрипнула, но показалась достаточно прочной, и Надежда начала подниматься. Верная Розы последовала за ней, хотя было видно, что чувствует себя неуютно.

Преодолев два пролета, Надежда оказалась в башне. Впрочем, это слово было слишком громким для крошечной клетушки, в которой едва помещался источенный жучками деревянный стул. Теперь в ней едва поместились Надежда и Розы. В единственном окне не осталось

ни одного стекла. Выглянув в него, Надежда увидела двор Александры Павловны и то самое место, где Димыч прятал ключи.

– Вот балбес! – вполголоса пробормотала Надежда.

Если бы это чудо в дредах не ленилось прятать ключи в тайник, то злоумышленник вряд ли сумел бы их достать. А так – заходи и бери, пока хозяйка в больнице, а Надежда еще не приехала. Что злоумышленник и сделал: достал связку, сделал копии ключей и положил связку на место. Димыч, естественно, ничего не заметил.

Надежда внимательно огляделась и сразу отметила один немаловажный факт, мимо которого наверняка прошел бы среднестатистический мужчина. Здесь было гораздо меньше пыли, чем она ждала. Нет, пыль, конечно, имелась – куда от нее денешься? – но не так много и не на всех поверхностях. Например, на подоконнике ее не было вовсе.

Надежда представила, как какой-то человек подходит к окну, облакачивается на подоконник, при этом стирая с него пыль, и смотрит на дом Александры Павловны. Она поставила себя на место этого неизвестного наблюдателя и встала в ту же позицию, упершись локтями в подоконник.

Рози то и дело поглядывала на Надежду, давая понять, что пора уже уходить из этого неприятного места.

– Подожди, девочка моя, – пробормотала Надежда. – Дай мне осмотреться, немного подумать...

Она снова выглянула в окно. Да, дом Александры Павловны отсюда виден, но разглядеть тайник с ключами трудновато – слишком далеко. Это невооруженным глазом трудно, мысленно поправила себя Надежда, а у того человека, который здесь стоял до нее, наверняка был бинокль. Ну, или подзорная труба. Через хорошую оптику можно увидеть мельчайшие подробности.

Надежда принялась рассматривать окно, при этом чуть пошевелилась и задела локтем за что-то острое. Она скосила глаза, по-прежнему не меняя положения, и заметила торчащий из рамы острый осколок, на котором трепетала толстая нитка горчичного цвета.

Ага!

Надежда насторожилась. Нитка была довольно новая и, судя по всему, висела на окне недолго – она еще не успела выцвести под воздействием солнца и дождя. Наверняка ее оставил здесь тот человек, который наблюдал за домом Александры Павловны.

Надежда выпрямилась, отстранившись от окна. Теперь нитка была не видна, ее закрывала часть рамы. Все понятно. Тот человек зацепился локтем за острый осколок стекла, выдрал нитку из рукава, но не заметил этого. Мужчина, что тут скажешь...

Надежда порылась в кармане, нашла там упаковку салфеток, достала одну и, осторожно отцепив нитку, завернула ее в салфетку.

Рози снова нетерпеливо заворчала.

– Все, все, уходим! – успокоила ее Надежда и выбралась из тесного помещения.

Спустившись по лестнице, она огляделась. Ей хотелось тщательно осмотреть этот дом, но у Рози были явно другие планы. Ей хотелось как можно скорее выйти на улицу. Она вспомнила, что относится к ездовым собакам, натянула поводок и чуть не волоком потащила Надежду к входной двери.

Надежда вздохнула и не стала упираться: в конце концов, она увидела, что хотела. Открыв дверь, она выпустила собаку на улицу и вышла следом за ней на крыльцо. Но Рози повела себя странно. Вместо того чтобы устремиться к дыре в заборе, она потянула Надежду за угол дома, где были свалены в груды какие-то полусгнившие доски. Остановившись перед этой грудой, Рози ощерилась и зарычала, шерсть на загривке встала дыбом.

– Что там такое? – проговорила Надежда, напуганная такой реакцией собаки. – Змея?

Рози прижалась к земле и снова зарычала.

Надежде стало как-то неудобно. Ей захотелось как можно скорее уйти из этого заброшенного сада, вернуться домой, точнее, в дом Александры Павловны, и закрыть за собой дверь. В то же время любопытство не отпускало. И пока она колебалась, Роза решила за нее.

Резко рванув, собака вырвала поводок из рук Надежды, но припустила не к груде досок, а прочь от нее, в дальний конец участка, где в заборе зияла очередная дыра.

– Роза, ты куда? – воскликнула Надежда возмущенно. – Вернись немедленно! Непослушная собака!

Но Роза исчезла за забором.

На этот раз Надежда всерьез испугалась и, забыв о подозрительной груде досок, устремилась за собакой, протиснулась через дыру в заборе и выбралась в какой-то переулок.

Собака сидела возле забора с самым послушным и благонамеренным видом, склонив голову набок, и снова напоминала огромную мягкую игрушку.

– Роза, что это было? – возмущенно проговорила Надежда, схватив поводок и на всякий случай намотав его на руку. Но собака смотрела на нее так преданно и ласково, что вся злость тут же прошла. Да и злиться на Розу вообще было невозможно.

Надежда оглянулась на дом. Показалось ей или нет, но теперь он выглядел неприветливо. Солнце скрылось за облачком, и участок выглядел заброшенным и покинутым. Роза права: нечего им тут делать!

В переулке не было ни души, и Надежда осторожно выглянула из-за угла. Возле дыры в заборе, через которую они с Розой полчаса назад пролезли на участок, с задумчивым видом стоял сосед Александры Павловны Ноздряев.

Надежда порадовалась, что выбралась с чужой территории другим путем, и тут же сообразила, что благодарить за это следует Розу. Если бы не собака, они столкнулись бы нос к носу с настырным соседом, что, несомненно, привело бы к лишним расспросам и разговорам. Надежда потянула собаку за поводок и с независимым видом пошла навстречу Ноздряеву.

Тот отступил от забора и уставился на Надежду с живейшим интересом. Надежда делала вид, что его не замечает и даже наклонилась, чтобы подобрать несколько ярких кленовых листиков.

– А что это вы здесь делаете? – подозрительно проговорил Ноздряев.

Как видно, он использовал этот вопрос вместо приветствия.

– А на что это похоже? – насмешливо спросила Надежда, решив разговаривать в той же манере. – Мы здесь гуляем. Собаку полагается выгуливать, по крайней мере, дважды в сутки. Можно, конечно, и чаще. Правда, Роза?

Роза утвердительно рыкнула. Сама она предпочла бы более частые прогулки, но ее никто не спрашивал. Сосед вновь окинул Надежду подозрительным взглядом, и она помахала перед его лицом букетом сухих листьев. В глазах Ноздряева отразилось разочарование – похоже, городская тетка и правда гуляет.

– А чей это дом? – спросила Надежда, кивнув на дом за забором. – Похоже, тут никто не живет.

– Никто, – подтвердил Ноздряев. – Раньше здесь Степан Макарович жил, химик известный, но он десять лет назад умер, а наследники не смогли договориться – то ли продавать дом, то ли ремонтировать. Так дом и стоял все десять лет, еще немного – и совсем развалился бы, но сейчас его все-таки продали одному местному олигарху... сыну Марии Прокофьевны, которая прежде Зинаиды в магазине работала. А сын у нее, значит, на олигарха выучился...

– Уж сразу на олигарха! – прищурилась Надежда.

– Ну, сразу или не сразу, это я вам не скажу, а только он сюда приезжал на такой машине, какой у нас никогда не видели. И собирается теперь этот дом сносить, и на его месте строить шестиэтажный коттедж с десятью ваннами и двумя бассейнами, уже бригаду нанял, они сегодня как раз приехать должны...

– И откуда вы все эти интимные подробности знаете? – насмешливо переспросила Надежда. – Вам этот олигарх местного разлива сам все рассказал?

– Ну, сам не сам, лишнего говорить не буду, а только от людей ничего не утаишь, люди все знают! – Последние слова Ноздряев произнес многозначительно и поднял руку, чтобы еще больше подчеркнуть их значимость.

Рози вдруг ощерилась, натянула поводок и зарычала на Ноздряева. Тот попятился, заметно побледнел и проговорил испуганным тоном:

– А что это она такая сердитая? А почему это она у вас без намордника? Такую большую и сердитую собаку по закону положено выгуливать в наморднике!

– Да что вы! – Надежда улыбнулась с самым невинным видом. – Зачем ей намордник? Вы же знаете, Рози такая тихая, такая ласковая. Она и мухи не обидит!

– Да, всегда была тихая, – согласился Ноздряев. – А сегодня с ней что-то не то... Она у вас не заболела? Может, у нее бешенство? Может, она опасность для окружающих представляет?

– Да о чем вы говорите! – Надежда понизила голос. – Я вам скажу, в чем дело. У нее сейчас такие дни... ну, вы понимаете. Она ведь женщина. А в такие дни собаки нервничают. Я ее поэтому и не спускаю с поводка, как бы чего не вышло...

– Вот именно, как бы чего не вышло, – пробормотал Ноздряев и припустил прочь по улице.

Надежда проводила его взглядом и увидела, как из-за поворота выехал выдавший виды красный микроавтобус.

– Рози, нам пора домой! – тут же заторопилась Надежда, и Рози с готовностью устремилась вперед, так что Надежда Николаевна едва за ней поспевала.

Красный микроавтобус подъехал к воротам. Плотный коренастый брюнет лет пятидесяти, сидевший рядом с водителем, повернулся к пассажирам и проговорил:

– Змиетдинов, что сидишь? Открой ворота!

Маленький черноглазый мужичонка в приплюснутой кепке выкатился из автобуса, подбежал к воротам и распахнул их. Микроавтобус, подпрыгивая на ухабах, вкатился на заросший сорняками участок и остановился. Коренастый тип с важным видом выбрался из него, огляделся и произнес:

– Змиетдинов, что стоишь? Выгружай инструУменты... Вот сюда выгружай!

– Сюда, Вахраб Нахрабович? – переспросил маленький шустрый Змиетдинов.

– Ты что, Змиетдинов, глухой? И слепой в придачу? Я же тебе показал – сюда!

– А тут, Вахраб Нахрабович, доски какие-то навалены.

Действительно, на земле возле дома была свалена груда полусгнивших досок.

– Может быть, рядом инструменты сложить?

– Я сказал – тут, значит – тут! А мусор этот в сторонку перекидай! Совсем, понимаешь, работать не хотят!

– Я хочу, Вахраб Нахрабович! Я сию минуту...

Начальник с важным видом прошелся вдоль нежилого дома, заложил руки за спину и запрокинул голову.

Маленький Змиетдинов засуетился вокруг груды досок, как муравей вокруг кучки опавшей хвои. Доски одна за другой перемещались в сторону, укладываясь в аккуратный штабель. Вдруг Змиетдинов замер, лицо его вытянулось и побледнело, темные глаза потемнели еще больше из-за расширившихся зрачков.

– Что стоишь, Змиетдинов?! – прикрикнул на него начальник. – Обеденный перерыв еще не скоро! Ну, работнички! Только и знают, что бездельничать!

– Вахраб Нахрабович... – пролепетал рабочий едва слышно, и от испуга перешел на родной язык.

– Что ты там лепечешь, Змиетдинов? Сколько раз тебе говорил – только по-русски, если хочешь у меня работать!

– Вахраб Нахрабович, тут...

– Что ты все повторяешь – Вахраб Нахрабович, Вахраб Нахрабович? Я уже пятьдесят лет Вахраб Нахрабович! Говори толком, что там у тебя случилось?

– Вахраб Нахрабович, посмотрите сами... я такого по-русски даже сказать не могу... я таких слов на русском языке не знаю...

– А я тебе сколько раз говорил – запишись на курсы!

– Я записался, а только на курсах таким словам тоже не учили... это такие слова...

– Ну, что там? – начальник подошел к остаткам груды, возле которой стоял несчастный понурившийся Змиетдинов.

Из-под гнилых досок торчали ноги. Мужские ноги в грязных коричневых ботинках и коричневых же, мятых и перепачканных землей брюках.

– Ты что устроил, Змиетдинов? – тихо, но грозно произнес начальник. – Ты во что меня втянул?

– Я... ничего... я... ни при чем... вы велели мне эту кучу перекидать – я и перекидывал...

– Вы велели! – передразнил его начальник. – Вот этого не надо! Ты на меня это не вали! Ты меня в эти дела не впутывай!

– Что же теперь делать, Вахраб Нахрабович?

Начальник обхватил голову руками и закачался. Покачавшись так одну-две минуты, он проговорил с явным страданием в голосе:

– Ничего не поделаешь! Придется хозяину звонить! Дом его, пускай он и думает!

Войдя в комнату, Надежда сердито уставилась на рассыпанные по полу крупу и сахарный песок. О чем она только думает? Дом деревенский, на сахар ведь муравьи наползут, потом их не выведешь. Она заперла Розы в кладовке, чтобы не крутилась под ногами, и живо взялась за уборку. Приятная новость заключалась в том, что рассыпалось только два килограмма песка, второй пакет оказался нетронутым.

Очищенные сливы уже чуть пахивали кислым, так что если буквально сейчас их не сварить, то можно будет выбросить.

Надежда нашла большую кастрюлю и поставила сливы на медленный огонь. Затем вымыла пол, вытрясла половики, а потом потратила целую вечность, пытаясь отыскать на кухне сито. Оказалось, оно было не в столе и не на полках, а спокойно висело на гвоздике у раковины.

Следующий час она протирала повидло и под конец окончательно озверела. Самое интересное, что ругать можно было только себя, ведь это она решила собрать сливы. Вечно ей больше всех надо! Висели бы и висели на дереве, птички склевали бы... птичкам ведь тоже нужно чем-то питаться.

В таком состоянии ее застал звонок мужа.

– Надя, ты куда пропала? – возмущался он. – Звоню, звоню, тебя дома нет!

– А я не дома! – ответила Надежда, решив говорить как можно больше правды, чтобы не завратиться окончательно. – Я за городом. – И рассказала про беду Александры Павловны.

Сан Саныч работал когда-то в том же самом НИИ, и Александру Павловну хорошо знал. Поэтому воспринял новость Надежды положительно. А когда выяснилось, что кот пребывает на даче у бабушки, то и вовсе успокоился.

– Чем занимаешься там? – поинтересовался он.

– Гуляю с собакой и сливовое повидло варю, – ответила Надежда чистую правду.

– Сливовое... – мечтательно произнес муж. – Если на булку с маслом или с оладьями... вкусно...

– Тебя там плохо кормят? – тут же всполошилась Надежда. – Гостиница вообще как?

Выяснилось, что гостиница ничего себе и кормят вроде неплохо, но домашнее все же лучше. На том и распрощались.

Спустя часа два мимо дома одна за другой промчались две полицейские машины с включенными мигалками. Следом за ними ехал большой роскошный черный автомобиль. Все три машины остановились возле нежилого дома. К сожалению, из-за кустов и забора Надежда не видела, что происходило дальше.

– Что же там такое случилось, Роза? – спросила она, взглянув на свою четвероногую приятельницу. Та негромко зарычала, и шерсть на загривке поднялась дыбом.

Надежда невольно вспомнила, что так же собака вела себя возле груды досок во дворе заброшенного дома. Отчего-то Надежде показалось, что появление машин с мигалками имеет к этой грудке самое непосредственное отношение.

– Знаешь что, Роза, – проговорила Надежда Николаевна озабоченно, – пожалуй, мне снова надо сходить в магазин. Хоть сахар и не весь рассыпался, но на повидло не хватит. Крупа, опять же... Только ты смотри, на этот раз никого не впускай, стереги дом как следует! Чтобы не получилось, как прошлый раз.

Роза смущенно рыкнула, что Надежда расценила как согласие. Взяв сумку, кошелек и тщательно заперев дверь на оба замка, она отправилась в поселковый магазин.

В прежние времена в каждой деревне, в каждом поселке колодец был основным местом обмена информацией. Ожидая своей очереди, чтобы наполнить ведра или кувшины колодезной водой, женщины обменивались новостями и сплетнями.

С тех пор как человечество изобрело водопровод, деревенский колодец утратил свое информационное значение. Но, как известно, свято место пусто не бывает, и эта важная роль перешла к поселковому магазину. В очереди за сахаром или бананами женщины узнают много нового и полезного. Ведущим же этого информационно-аналитического шоу является продавщица, которая всегда в центре событий.

Надежда Николаевна вошла в поселковый магазин. Кроме продавщицы Зинаиды там присутствовали только худенькая старушка со странным прозвищем Пианиновна и рыжий подросток, забежавший за мороженым.

Надежда со всеми поздоровалась и подошла к прилавку.

– Мне песку сахарного три килограмма, – сказала она продавщице.

– Что, не хватило? – осведомилась та, с одобрением взглянув на Надежду. – Вы четыре кило покупали, я помню.

– Да, не рассчитала. Больно хорошо сливы уродились.

– Да, слива в этом году хорошая, – подтвердила Зинаида, отвечивая сахар.

– Очень хорошая! Только уже переспевает, так что скорее варить нужно... – И тут же, безо всякого перехода, Надежда поинтересовалась: – А что это там полиция понаехала? Что случилось?

Продавщица не успела ничего ответить, поскольку в разговор вмешалась Пианиновна:

– А в том доме, что Машин сын купил, клад нашли! Целую тонну этих... наркотиков!

– Вот некоторые говорят о том, чего не знают, – процедила Зинаида, поджав губы. – Каких еще наркотиков?

– Почему это я не знаю? – обиделась старушка. – Мне Дарья Ивановна точно сказала, что там работяги таджикские наркотики нашли, эти... антивитамины.

– Амфетамины, – поправил ее рыжий подросток.

– А тебе об таких вещах рано рассуждать! – прикрикнула на него Пианиновна. – Вот откуда ты про эти антивитамины знаешь?

– Откуда-откуда? Из сериала!

– И сериалы такие тебе рано еще смотреть! Ты какое мороженое хочешь?

– Крем-брюле.

– Вот бери свое крем-брюле и иди домой!

Подросток фыркнул, взял мороженое и вышел из магазина.

– И все вы, Пианиновна, путаете! – припечатала продавщица, проводив его глазами. – Никакие не наркотики, а труп там нашли! Таджики стали доски старые разбирать и нашли под ними труп.

Надежда вспомнила мужской труп в доме Александры Павловны.

– Мужской труп? – на всякий случай уточнила она.

– Мужской, мужской, – тут же подтвердила Зинаида. – А вы откуда знаете?

– Да я так просто сказала... – тут же открестилась Надежда. – Думаю, в старых досках обязательно мужской труп должен быть.

– А женский тогда где? – удивилась Зинаида.

– Женский-то? – Надежда была уже не рада, что завела этот разговор. – Женский, допустим, в овраге, в лесу, ветками закиданный, чтобы подольше не нашли. Вот в прошлом году в соседнем районе маньяк орудовал, так он молодых женщин на дороге подбирал, в машину подсаживал, а потом убивал – и в лес подальше, в овраг или в яму... Долго его искали, но все-таки нашли...

Что самое интересное – говорила Надежда Николаевна чистую правду, сама прошлым летом оказалась в это дело замешана.

– Что-то такое я слышала... – неуверенно подтвердила Зинаида.

– Или вот еще бывает, что утопленниц находят, и обязательно девок! – встряла в разговор Пианиновна. – Подружка моя, Нюрка Зотова, в нашем пруду утопилась.

– В каком еще пруду? – отмахнулась Зинаида. – Ты, Пианиновна, из ума выживаешь со скоростью курьерского поезда. У нас в поселке и пруда никакого нет!

– Это сейчас нет, а раньше был, и Нюрка в тот пруд сиганула, когда ее, беременную, один такой городской хмырь бросил!

– Так это когда было-то?

– Перед войной, – бросила Пианиновна.

– Японской, что ли? – ехидно прищурилась Зинаида. – Или когда у нас Деникина разбили?

– Когда немец на нас вероломно напал, – строго сказала Пианиновна, – а раньше на этом месте финны были. Потом уж, когда границу отодвинули, сюда наши заселились. И дом тот разрушенный финский был... и пруд при нем...

– Что, так и утопилась ваша подруга? – спросила Надежда, видя, что Зинаида готовится резко ответить, и разговор сейчас перейдет в перепалку.

– Зачем утопилась? – удивилась старуха. – Вытащили. Она парня здорового родила, на четыре килограмма весом, а через год за военного вышла и уехала с ним на Дальний Восток.

– Так чего ты нам голову морочишь? – рассердилась Зинаида. – В общем, тут другой случай, определенно там мужика мертвого нашли.

– Вот на других возводишь напраслину, – перебила ее Пианиновна, – мол, я все путаю, а сама точно говоришь о том, чего не знаешь! Откуда тебе известно, какой они труп нашли?

– Оттуда! – Зинаида подбоченилась и вскинула подбородок. – Ты Люську, племянницу мою, знаешь?

– А кто ж ее не знает? Та еще шалава!

– Насчет этого лучше не начинай, а то у меня тоже найдется что про твою Тоньку сказать!

– Тонька тут ни при чем...

– То-то и оно, что ни при чем. А Люська моя как раз при делах. У нее с Костиком любовь...

– С каким еще Костиком?

– С таким, который в полиции служит, в районном отделе. Старший сержант, между прочим, не последний человек. И он ей все рассказал, а она ко мне за хлебом приходила и все как есть сообщила, так что у меня сведения самые верные.

– Ну уж и самые... – протянула Пианиновна.

– И что же она вам сообщила? – проговорила Надежда, опасаясь, что разговор снова уйдет в сторону.

– А вот то и сообщила, что труп они нашли неизвестного мужчины, безо всяких документов. Средних лет, прилично одетый, даже в костюме. И вот что я вам скажу, женщина... – Зинаида округлила глаза и понизила голос: – Этот самый мужчина заходил ко мне в магазин!

– Ну, уж это ты точно заливаешь! – ревнивым тоном перебила ее Пианиновна. – Как он мог к тебе заходить, если он труп?

– Это он сейчас труп, а когда заходил – еще вполне живой был. Точно как Люська сказала – средних лет, приличного вида, в коричневом костюме. Зашел, купил водички и вышел.

– В коричневом костюме... – повторила Надежда и вспомнила труп на полу – мятые коричневые брюки, бежевый носок и бледную щиколотку. – Точно, он... – пробормотала она задумчиво.

– Вот и я говорю – он самый! – подхватила продавщица. – Зашел ко мне в магазин, а потом его уже мертвого нашли!

– А причина смерти еще неизвестна? – спросила Надежда, стараясь не выдать свой особый интерес к делу.

– Вот это пока еще не знаю, – с сожалением протянула Зинаида. – Это только после вскрытия скажут! Но только точно, что не застрелили его и не зарезали, иначе сразу видно было бы.

«Точно, – Надежда вовремя удержалась, чтобы не сказать это вслух, – тогда бы у Александры Павловны в горнице лужа крови была, а так ничего нет...»

– Так, может, он сам по себе помер? – предположила Пианиновна. – Ты же говоришь, он не молодой был, а мужики, они ведь мрут, как мухи... особенно если по пьяному делу... У меня у самой зять водки некачественной вечером выпил, а утром смотрим – а он уж на тот свет отъехал.

– Ага, сам помер! – ироническим тоном парировала Зинаида. – И досками сам забросался! И вообще, он по виду был непьющий.

– Внешность обманчива! – припечатала Пианиновна. – Мой Пантелеич тоже с виду непьющий был, а как до дела дошло...

– Ну, этот не такой. Правда, он не очень-то здоровый был...

– Почему вы так решили? – переспросила Надежда.

– А потому что лицо у него было бледное, – охотно ответила продавщица, – а еще он воду попросил без газа, а без газа пьют язвенники и почечники.

– Ну, почему же? – возразила Надежда. – Я тоже без газа больше люблю...

Зинаида, видимо, не любила, когда ей возражают или ставят под сомнение ее аналитические способности. Она неодобрительно поджала губы и придвинула Надежде пакет с сахаром:

– Еще что-нибудь брать будете?

– Еще бутылку воды. Без газа.

Выйдя на улицу, Надежда задумалась. Конечно, никаких галлюцинаций у нее не было. В доме Александры Павловны действительно был труп. Но потом его вытащили через заднюю дверь, отволокли на участок рядом с нежилым домом и забросали досками. То-то Розы так зарычала возле этой груды досок...

Неизвестно еще, сколько времени пролежал бы этот труп, если бы, по случайному стечению обстоятельств, на участок не приехали таджикские строители...

Кто же был этот неизвестный? По словам Зинаиды, средних лет, довольно приличного вида, не слишком здоровый. И что ему понадобилось в доме Александры Павловны? Может быть, заглянул туда случайно? Хотел дорогу спросить или воды попить? Нет, вода у него была, он купил ее в магазине. И вообще, случайно зайти он никак не мог, поскольку дом был заперт. Кроме того, в его записной книжке значился адрес Александры Павловны, да еще и зашифрованный. Значит, он шел туда вполне целенаправленно...

Вспомнив про записную книжку, Надежда тяжело вздохнула. Эта книжка – важная улика, она может помочь выяснить личность убитого. Значит, Надежда обязана немедленно отдать ее полицейским... Но тогда придется объяснить, как эта книжка к ней попала, и рассказать, что труп, прежде чем оказаться на пустующем участке, находился в доме Александры Павловны.

Нет, только не это! Александру Павловну ни в коем случае не нужно впутывать в это сомнительное дело!

В глубине души Надежда Николаевна понимала, что у нее есть по крайней мере две причины не отдавать полиции записную книжку неизвестного.

Во-первых, отдав книжку, она не столько впутает в это дело Александру Павловну, сколько впутается сама. Нет, Надежда не так уж и боялась попасть в поле зрения полиции, хотя проблем не миновать. Но прежде всего ее спросят, кто она такая и что делает в чужом доме? «А почему вы живете здесь без регистрации? А у вас есть письменное разрешение от хозяйки дома тут жить?» В общем, Надежда замучается объяснять, а полицейские ей все равно не поверят.

К тому же, если она пойдет в полицию, эта история, скорее всего, дойдет до Сан Саныча, и он будет, мягко говоря, недоволен. Ведь Надежда клятвенно заверяла мужа, что будет держаться как можно дальше от любых криминальных расследований...

Вторая причина заключалась в том, что Надежде просто не хотелось никому отдавать эту книжку. Она жаждала сама с ней поработать и выяснить все тайны, которые могли прятаться под черной коленкоровой обложкой.

Собственно говоря, Надежде нужно было варить повидло. Не зря же она ходила за сахаром? И вообще, слива переставала: еще немного – и испортится, хоть и сварена. Однако охота пуще неволи. Едва вернувшись домой и даже не разобрав сумку, Надежда схватила записную книжку и открыла ее на первой странице, где в верхнем правом углу были аккуратно выведены всего две буквы – «В» и «Ю».

Сама Надежда Николаевна на первых страницах своих записных книжек указывала собственное имя, чтобы таким незамысловатым способом пометить книжку, – на тот случай, если она, например, потеряется. Логично было предположить, что владелец черной книжки поступил так же и что буквы «В» и «Ю» – это его инициалы. Однако, поскольку все записи в книжке оказались зашифрованы, опять же логично было предположить, что и инициалы владельца записаны зеркальным шифром. То есть букву «В», третью букву русского алфавита, нужно было заменить третьей с конца буквой, то есть «Э». А букву «Ю», вторую с конца, – второй с начала буквой «Б». Значит, если рассуждения Надежды верны, инициалы владельца книжки – Э. Б.

Прямо скажем, не самые распространенные инициалы.

Надежда стала перебирать мужские имена, начинающиеся на «Э». Эльдар, Эмиль, Эдгар, Эдуард, Эраст... все какие-то редкие, не слишком популярные. Еще вспомнились средневековый мыслитель Эразм Роттердамский, погибший молодым французский математик Эварист Галуа и рок-идол Элвис Пресли.

Женских имен на букву «Э» было не в пример больше – тут тебе и Эльза, и Эвелина, и Эльвира, и Эмма, и Эмилия, и Эва, и Элеонора, и Элли...

Ну а уж фамилий, начинающихся на «Б», вообще пруд пруди: Борисов, Бабушкин, Бродский... да нет смысла и пытаться все перечислить.

Тут в душе Надежды шевельнулся червячок сомнения. Наверняка инициалы погибшего облегчили бы полиции установление его личности. В такой ситуации скрывать записную книжку было недопустимо.

Вместе с первым зашевелился и второй червячок, напоминавший ей о переспелой сливе и недоваренном повидле, и душа Надежды стала похожа на подгнившее яблоко.

Но она с ходу отбросила эти неприятные мысли, а чтобы не возвращаться к ним, принялась расшифровывать другую запись.

Первое слово на следующей странице звучало совсем нечленораздельно – МФЧЙЯ. Однако, применив зеркальный шифр, Надежда получила вполне обычное и ожидаемое слово «улица». Значит, здесь тоже записан какой-то адрес. Правда, перед этим адресом не указана фамилия того, кто по этому адресу живет. Ну, так может хозяин книжки хорошо знал этого человека, и записывать его фамилию не было смысла?

Продолжив расшифровку, Надежда перевела оставшуюся часть записи. У нее получилось следующее: «Улица Шептунова, дом 4».

Название улицы было ей незнакомо, но в наше время существует великий и ужасный Интернет, который может ответить и не на такие вопросы. Надежда включила компьютер и уже через пять минут выяснила, что улица Шептунова находится совсем рядом, в том же поселке Мухино.

Чтобы довести дело до конца, Надежда Николаевна нашла карту поселка и выяснила, что улица Шептунова расположена на другом конце поселка, неподалеку от уже знакомого Надежде поселкового магазина.

– Как ты думаешь, Рози, кто такой этот Шептунов? – проговорила Надежда, обращаясь к собаке. – Какой-нибудь старый большевик или известный ученый?

Рози в ответ только издала задумчивое подвывание.

Надежда причесалась и подкрасила губы, надела легкое короткое пальто, которое носила в городе, и новые кроссовки, после чего задумалась, брать ли с собой собаку. По всему выходило, что нет. Кто его знает, что за люди живут на улице Шептунова? Может, они боятся собак. И пусть Рози такая ласковая, но своими размерами впечатляла... К тому же Рози линияла, а пальто у Надежды было приличное, купленное в дорогом магазине, правда со скидкой.

– Рози, девочка моя, – обратилась Надежда к собаке, – мне нужно кое-куда сходить. По очень важному делу. Посиди одна еще полчаса. Ну, или, в крайнем случае, час.

Но в этот раз собака взбунтовалась. Она встала перед дверью и ни за что не соглашалась выпустить Надежду. Учитывая ее размеры, препятствие было непреодолимым.

Надежда немного подумала и решила, что проще взять Рози с собой. Кстати, это будет даже полезно – все прохожие подумают, что она просто выгуливает собаку.

– И не смей вставать лапами на мое пальто! – строго сказала она. – И обтираться об него не смей!

Рози пообещала, что не станет этого делать.

Но было одно обстоятельство, которое очень смущало Надежду. Если дома никого не будет, в него может снова проникнуть тот самый злоумышленник, который убил человека с инициалами Э.Б. и перетащил его труп на соседний участок. Правда, в прошлый раз Рози ничуть ему не помешала...

Надежда Николаевна немного подумала, и ей пришла в голову замечательная идея.

В кладовке она нашла начатую банку с ярко-желтой краской и, вспомнив свое инженерное прошлое, из подручных материалов соорудила хитрое устройство, при помощи которого закрепила банку с краской в сенях, над входной дверью. Теперь, если неизвестный злоумышленник проникнет в дом, банка опрокинется, краска выльется на незваного гостя и сорвет его злоешие планы.

Весьма довольная собой, Надежда пристегнула поводок к ошейнику Розы и вывела собаку на прогулку. Против этого Розы, разумеется, не возражала.

Мысленно рисуя карту поселка, Надежда прошла уже знакомой дорогой мимо поселкового магазина, миновала почту, непрезентабельное заведение под названием «Дружба», где немногочисленные аборигены пили пиво с сушеной рыбой и сухариками, и увидела на углу улицы табличку с названием: «Улица Шептунова».

Нужный ей дом номер четыре оказался большим, старым деревянным строением с многочисленными флигелями и пристройками, сохранившимся, по-видимому, еще с тех времен, когда поселок Мухино, как и весь Карельский перешеек, входил в состав Финляндии. Об этом говорили островерхая крыша, поддерживаемая резными балками, массивный фундамент, сложенный из больших, отшлифованных временем камней, эркеры с разноцветными стеклами и резные балкончики, облепившие дом, как ласточкины гнезда.

Над главным входом в дом висела бронзовая табличка с затейливой надписью, выполненной славянской вязью: «Театрально-художественный центр имени В. В. Шептунова».

– Ага, значит, Шептунов – это не старый большевик, а какой-то театральный деятель, режиссер или драматург, – вполголоса проговорила Надежда.

Розы негромким, выразительным подвыванием выразила свое согласие с этим выводом.

Перед домом Надежда увидела деревянный стенд, на котором были развешаны многочисленные объявления. Первое из них сообщало, что со вчерашнего дня в центре имени Шептунова проходит фестиваль мистического театра под названием «Драма непознаваемого».

Ниже были перечислены мероприятия, входящие в программу фестиваля. Одно из них – лекция «Сценография мистического триллера» – привлекло внимание Надежды. Не то чтобы Надежда что-нибудь в этом понимала, но ее заинтересовало имя докладчика – Эдуард Багровский.

Э. Б. Такие же инициалы стояли на первой странице записной книжки.

Лекция Багровского была назначена как раз на сегодня, на шесть часов вечера.

– Да, не состоится эта лекция... – задумчиво проговорила Надежда.

– Как – не состоится? Почему не состоится? – раздался вдруг резкий и высокий голос.

Надежда вздрогнула и обернулась. Рядом с ней стояла особа лет сорока, в узких черных брючках, облегающем свитере из розового мохера и в ярко-красных туфлях на высоких каблуках, явно неуместных на поселковой улице. Внешность этой колоритной особы дополняли пышно начесанные волосы розового цвета с несколькими прядями ядовито-зеленого оттенка и зеленые ногти невообразимой длины, загибающиеся на концах и оттого очень похожие на когти хищной птицы.

– Вы точно знаете, что лекция Багровского не состоится? – повторила колоритная особа.

– Нет-нет, это я просто предположила, – тут же открестилась Надежда. – Он ведь до сих пор не приехал.

– Не приехал, – кивнула особа. – Но у Багровского такая манера – он всегда появляется в самый последний момент. Для создания драматического эффекта. – Особа покосилась на Надежду, словно чего-то ждала, и пояснила: – Вообще-то, это шутка.

– Ах, шутка? Ну да, конечно... – Надежда изобразила вежливую улыбку.

– Марфа, – представилась колоритная особа. – Марфа Морковская. – Она снова выжидательно взглянула на Надежду и, не дождавшись реакции, добавила: – Та самая...

– Ах, та самая... – протянула Надежда, пытаясь понять, что от нее требуется.

– Ну да. Помните скандал в Зауральском драматическом театре? О нем тогда все говорили и писали.

– Скандал? – переспросила Надежда.

– Ну как же! Спектакль «Оргазм в реанимации»... это была самая нашумевшая постановка сезона! Во всяком случае, в нашем районе. Так вот, это моя пьеса.

– Круто! – проговорила Надежда, поскольку именно такую реакцию и ждала, судя по всему, ее собеседница.

– Еще бы! – Марфа плотоядно улыбнулась. – Скандал был громкий! Три первые постановки сорвали... А вообще, у меня свой собственный жанр – мистическая эротика. Этот жанр просто обречен на успех! Ведь что больше всего людей привлекает в театре?

– Режиссерские находки? – предположила Надежда.

– Ни в коем случае! Это только для высоколобых. А много ли их?

– Актерская игра?

– Это на десятом месте!

– А что же тогда?

– Секс и мистика! И обратите внимание – секс на первом месте, а мистика только на втором.

– Надо же, как интересно!

– А вы? – спросила Марфа после непродолжительной паузы.

– Что – я? – растерялась Надежда.

– Вы тоже из наших?

– Из ваших? – неуверенно переспросила Надежда, чувствуя, как глупо это звучит.

– Из *наших*! – поправила ее Марфа. – Вы же приехали на этот фестиваль – значит, вы тоже адепт мистического театра.

Надежда лихорадочно соображала, какую роль выбрать, чтобы не проколоться. Она прикинула, что не похожа на человека из театральной тусовки, и выдала первое, что пришло в голову:

– А-а, извините, Марфа, я не сразу поняла. Я вообще-то из газеты, мне поручили написать о вашем фестивале.

– Из газеты? – в голосе Марфы зазвучал неподдельный интерес, глаза хищно вспыхнули. – А из какой газеты?

Надежда снова на мгновение задумалась. На корреспондентку модного театрального журнала она, пожалуй, не тянет.

– Я из газеты «Утреннее какао». Это газета, извиняюсь, для домохозяек... в основном мы публикуем рецепты, способы хранения георгинов, но тут решили написать о театре...

– А что? Домохозяйки тоже люди! – еще больше оживилась Марфа. – Больше того, я вам прямо скажу – домохозяйки сексуальны, как никто другой! Ведь у них много свободного времени, а значит, много нерастроченной энергии, много нереализованных желаний... Так вы напишете обо мне? Уверена, смесь секса и мистики должна заинтересовать ваших читателей!

– Непременно... – протянула Надежда. – А вы не расскажете мне об Эдуарде Багровском?

– Об Эдуарде? – Лицо Марфы вытянулось. – Ну да, он, конечно, популярен, но, на мой взгляд, его подход к мистическому театру изжил себя. Его время прошло. Я ведь сказала вам, что прежде всего ищут зрители в театре.

– Секс и мистику! – вспомнила Надежда.

– Да, секс и мистику! Причем именно в таком порядке! А Эдуард... он не придает должного значения сексу, а значит, его театр обречен. Он смотрит в прошлое! Он смотрит во вчерашний день! Он ставит пьесы авторов прошлого и даже позапрошлого веков. Эдгар По, Артур Конан Дойл... Помните его постановку «Собака Баскервиль»? Кстати, собака у вас хорошая.

– Что? – Надежда удивилась такой резкой перемене темы. – Да, собака очень хорошая, это маламут.

– Она не хочет попробовать себя на сцене?

– Что? – удивленно переспросила Надежда. Она подумала, что ослышалась.

– Ну да. В моей новой пьесе есть роль женщины-оборотня. Она во время секса превращается в огромную волчицу. Так вот, я подумала, что ваша собака...

– Нет, Розамунда никогда не думала о театральной карьере. У нее другие планы... – Надежда стала пятиться, подтаскивая за собой Розу, но это было все равно что тащить за собой вагон, груженный железными болванками.

– А зря! – не отступала Марфа. – У нее прекрасные сценические данные. Тем более такое выразительное имя – Розамунда! Выразительное и больше того – чрезвычайно сексуальное!

Роза наконец отступила, испугавшись такого натиска, и Надежда оказалась между ней и Марфой.

В этот момент из дома выскочила взволнованная блондинка лет сорока, с растрепанными волосами и покрытом пятнами, мятым лицом.

– Вы его не видели? – воскликнула она, обращаясь одновременно к Марфе и Надежде.

– Кого? – отозвались те хором.

– Эдуарда! Багровского! У него лекция через пять минут начинается, а его все еще нет.

– Нет, не видели! – ответила Надежда за обеих.

– Вы же знаете, он любит появляться в последний момент – для театрального эффекта! – добавила Марфа и коротко засмеялась, чтобы обозначить шутку.

Блондинка, однако, не обратила на это внимания.

– Что же делать, что делать? – Она трагически прижала руки к груди. – Придется вместо него выпустить Синебрюхову, а Синебрюхова – это нечто! Она как джинн! Ее только выпустить из бутылки – обратно уже никакими силами не загонишь! У вас, кстати, есть программа фестиваля?

– У меня нет, – быстро ответила Надежда, и тут же получила яркий проспект.

Блондинка снова скрылась за дверью, а Марфа прошипела:

– Все время она играет! Все время она на сцене! Подумаешь, великая трагическая актриса! Если бы не муж, ее бы к этому фестивалю и на пушечный выстрел не подпустили!

– А кто у нее муж?

– Никто толком не знает, но кто-то очень важный – то ли спонсор, то ли чиновник...

– Ага... – пробормотала Надежда, сообразив, что от этой нервной организаторши она ничего толкового не узнает. – А вот эта... как ее... Синебрюхова, она как-то связана с Эдуардом Багровским?

– А вам зачем? – Марфа вдруг уставилась на Надежду с явным подозрением.

– «Утреннее какао», – напомнила Надежда с самой невинной улыбкой.

– Ах да! Понимаете... – Марфа понизила голос: – Ходят слухи, что у них неформальные отношения...

– Роман, что ли? – ляпнула Надежда. – И что такого? Конечно, если оба несвободны...

– Да нет, Эдуард холост, а Синебрюхова... Вы вообще-то ее видели?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.